

Воскресная ВСТРЕЧА

Первая встреча с лауреатом премии Ленинского комсомола Александрой Пахмутовой на страницах «Ленинской смены» произошла почти десять лет назад — 11 апреля 1965 года. И вот на днях, когда композитор приезжала в Горький на пленум Союза композиторов РСФСР и фестиваль «Современная музыка», наш корреспондент вновь встретился с ней.

— Александра Николаевна, десять лет — немалый срок и для газеты, и для вас, композитора. Вы уже во время первой нашей встречи автор популярных «Песни о тревожной молодости», цикла «Таежные звезды» («Письмо на Усть-Илим», «ЛЭП-500», «Главное, ребята, сердцем не стареть», «Девочки танцуют на палубе» и др.), за этот срок написали целый ряд великолепных циклов песен: «Обнимая небо» («Нежность», «Мы учим летать самолеты», «На взлет», «Обнимая небо»), песни о моряках («Верю тебе, капитан!», «Усталая подлодка» и др.), о юношеских лагерях «Артек» и «Орленок» («Орлята учатся летать», «Звездопад»), «Отрядные песни», песни о спортсменах («Звезды Мехико», «Герой спорта», «Трус не играет в хоккей»), «Созвездье Гагарина»... За это десятилетие вы стали настоящим летописцем (причем и трибуном, и лириком одновременно!) комсомолии шестидесятых годов. Поэтому именно к вам наш вопрос: в чем вы видите приметы поколения, идущего на смену «шестидесятникам»?

— Ваш вопрос ко мне не как к композитору. Это общесоциологический вопрос. Отвечать на него можно долго, но постараюсь покороче: я не отношусь к категории «брюзжащих» — вот, мол, раньше молодежь была, а теперь... Я считаю, что главное осталось. Когда мы писали «Таежные звезды», был Братск теперь — КАМАЗ, БАМ... И теперь ударные стройки не могут принять всех желающих. Так что главное осталось — романтика, неудержимое влечение к героическому, эти проверенные показатели молодости.

И вот еще о чем хотелось бы сказать. Поколения сменяют друг друга очень быстро (когда мы писали «Таежные звезды», нынешним строителям БАМа было по 6—8 лет), и каждому нужны бывают свои глашатаи и запевалы. Это закон. Нужны те, кто, вдохновившись напряженным ритмом будней, создаст новые песни. Потребность рождает новые таланты. Сегодня это Марк Минков, Сережа Томин, Геннадий Гладков, Игорь Лученок, завтра, я думаю, придут и другие, такие же молодые, талантливые. Все они основываются и будут основываться на хороших традициях, но каждый вносит с собою в песню, в музыку какие-то новые грани сложного мира нашего молодого современника.

— Если продолжать разговор об этом образе в вашем творчестве и перечислить профессии тех героев, о которых были вами написаны циклы песен (строители Братска, летчики, моряки, спортсмены, космонавты), то можно вывести такую закономерность: вас как композитора (вместе с вашими постоянными соавторами-поэтами) больше интересуют люди героических, романтических профессий.

— Да, и это просто объясняется. Героика перечисленных вами профессий, если можно так выразиться, визуальна. Самы атрибуты, признаки этих профессий очень красивы: самолет взмывает в небо, плывет грозный крейсер, подлодка погружается в морские глубины... Но меня лично поразили в свое время не эти красивые детали, а сами люди этих профессий, люди, очень далекие от этой внешней красоты. Летчики-испытатели, например, с которыми мы встречались, — люди очень спокойные, любящие музыку. Мы не видели среди них железобетонных, крутлобых героев, и это покоряет и восхищает больше, чем красивые внешние атрибуты.

— О людях, как у нас принято говорить, «скромных» профессий, вы, насколько мне известно, еще не пробовали писать.

— Дело в том, что здесь мало только «отметить»: мол, написала такую-то песню о такой-то профессии. Нужно ведь, чтобы написанное произведение слушали, любили слушать и петь.

— Но всегда остаются люди, недовольные тем, что о профессии, которой они посвятили свои жизни, еще не написано Пахмутовой таких песен, как о геологах, строителях, летчиках, моряках. Я читал где-то, что однажды пришлось к вам письмо, требующее написать песню о дворниках.

— Вы затронули любопытную тему. Дело в том, что я получаю много писем (до тридцати в день), и примерно одна половина из них — стихи, предлагаемые для песни (а я, кстати, как правило, пишу вначале музыку, а потом уж мне бывают нужны стихи. Отвечать

же на такие письма трудно — я не могу анализировать стихи «на расстоянии», не зная человека — вдруг еще обидится!), а другая половина — письма с предложениями написать о разных профессиях. В этих последних очень интересно раскрываются люди, как-то очень трогательно. Например, один мой корреспондент вспомнил выражение Павлова: «Врач лечит человека, а ветеринар — все человечество» — и обиделся на композитора: почему нет песен о ветери-

нах. Остальные ушли совсем.

Но главная, конечно, причина создания циклов — первая: стремление показать как можно больше граней людей, о которых пишешь. Например, взять гагаринский цикл. Было бы странным, если бы мы с Николаем Добронравовым написали только трагическую песню или только жизнерадостный марш. Это был очень интересный и разноплановый человек — Гагарин. Более сложный, чем казался. Поэтому хотелось показать разные

граней его характера, поэтому и нужны были разные песни.

— Кстати, если мы коснулись вашего последнего цикла, я очень прошу вас рассказать о ваших встречах с Юрием Гагариным.

— Я вспоминаю одну фотографию: вы играете «Нежность», а Гагарин тихо вслушивается в слова этой песни: «Опустела без тебя Земля... Как мне несколько часов прожить?».

— Это было, когда мы написали цикл о летчиках. Тогда уже я и Николай Добронравов были знакомы с Гагариным. То были счастливые годы первых космических полетов, трудно было не написать о них. Говорить о Гагарине сейчас трудно. Он очень много успел сделать и очень мало пожить. Это был человек удивительный: при всей своей всемирной славе он всегда чувствовал себя как бы в долгу, он не на словах понимал, что его слава — не только его за-

слуга. Он всегда боялся обидеть кого-то своим невниманием, его никогда нельзя было увидеть раздраженным. Его чуткость и доброжелательность чисто по-человечески располагали к нему каждого.

Я знаю, что он любил музыку. Любил песни о летчиках, хорошо их знал. Он говорил, что все должны писать о летчиках, а остальные — петь о них. Человек очень веселый, жизнерадостный, без пошлой солидности — и все это несмотря на свою мировую славу.

— Александра Николаевна, два вопроса, которые задали нам наши читатели и на которые хотелось бы получить ваш ответ.

— Что же, категоричность — свойство молодости. Но девочка не права уже в том, что захотела обеднить человека, лишить его гражданских чувств, оставив ему только интимные. Конечно, можно ее в чем-то понять: есть «сухонные» стихи и песни о комсомоле. Но ведь есть и плохие песни среди лирических.

— И еще один вопрос, поднятый нашими читателями в одной из последних дискуссий в рубрике «Музыкальная среда». Спор зашел о кумирах, которых так часто делают себе молодые из эстрадных певцов и ансамблей.

— Есть, мне кажется, одно качество молодых — создавать себе кумира. Время может потом все изменить. Я, помню, в юности, как и все, была в жутком восторге от фильма «Девушка моей мечты». Посмотрела его недавно: так пошло все и плоско! Что мне могло понравиться? Так что, наверное, ничего особо плохого здесь нет.

— Но есть и немалая опасность не разглядеть из-за кумира чего-то

большого. Так, в свое время кумиром читающей публики был забытый теперь всеми Бенедиктов, а зрелый Пушкин потерял тогда свою былую популярность.

— Да, есть кумиры и кумиры. Восхищение искусством своего любимца — это всегда прекрасно, но если это восхищение настоящим искусством, а не той мишурой, которой оно подчас окружено.

— Одна наша корреспондентка написала, что она гордится тем, что сумела сколько-то там много раз сходить на концерт Магомаева и даже «удостоилась чести» постоять около него.

— Вот это уже та суета, которой не терпит «служенье муз». Тому же Магомаеву, который очень много и серьезно работает (он из тех людей, для которых работа и то, что мы называем «хобби», одно и то же), я думаю, приятнее будет серьезное отношение к его искусству. Он этого заслуживает.

— Был у нас недавно песенный концерт композиторского съезда. Выступил Магомаев, и как только кончил, началась заключительная хоровая песня — тут встали какие-то девочки и демонстративно пошли. Это вообще неприлично, а самого Магомаева они поставили в незаслуженно неловкое и неприятное положение. Здесь вопрос — в культуре отношения к искусству, которого у иных молодых любителей эстрады не хватает. Об этом мы чаще должны и говорить, и писать. Уж если есть увлечение кумирами, так пусть оно будет прекрасно, а не уродливо. Хорошо, что ваша газета подняла этот вопрос.

— И последний наш вопрос — традиционный: над чем вы сейчас работаете?

— Мы с Николаем Добронравовым напишем обязательно новые песни к 30-летию Победы. Появятся и новые лирические песни. Так, 9 ноября в телеконцерте из Останкины вы услышите в исполнении Льва Лещенко нашу новую песню «Я люблю тебя всегда». Есть еще наброски, планы, — но об этом рано пока говорить. Ясно одно — нужно работать лучше и больше. Разрешите пожелать читателям «Ленинской смены» самых ярких успехов и самого большого счастья.

— Александра Николаевна, спасибо за беседу.

Беседу вел
В. ВИКТОРОВИЧ.
Фото А. НОВИКОВА.

МОЙ МОЛОДОЙ СОВРЕМЕННОК

нарах. Было и письмо о дворнике: утром он встанет раньше всех, а когда все просыпаются — город уже чистый. То есть можно обо всех профессиях сказать красиво — везде работают красивые люди, вроде авторов этих писем. Главные люди, а не профессия — это банально, но это так.

— Александра Николаевна, еще несколько слов о ваших циклах песен, раскрывающих образ молодого современника. Чем вызвано создание целых циклов, написанных, по существу, об одних и тех же людях?

— Вы понимаете, очень трудно написать только одну песню. Остается ощущение, что сказано далеко не все. Конечно, и в цикле всего не расскажешь, но цикл написать легче: хоть несколько граней покажешь, а не одну. И еще цикл тем лучше, что хоть одна песня из него останется. Например, в «Таежных звездах» было тринадцать песен, а осталось несколько.